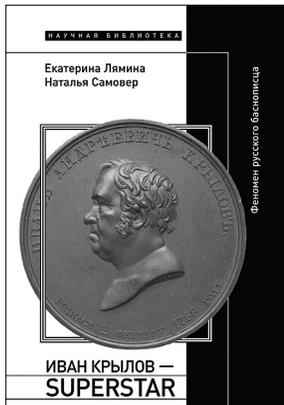

Крылов в контексте

БЕСЕДА АБРАМА РЕЙТБЛАТА С ЕКАТЕРИНОЙ
ЛЯМИНОЙ И НАТАЛЬЕЙ САМОВЕР

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_364

В 2024 году издательство «НЛО» выпустило монографию Екатерины Ляминой и Натальи Самовер «Иван Крылов — superstar: феномен русского баснописца», в которой был представлен новый взгляд на Крылова, причем не столько на его творчество, сколько на его поведение, на формирование его публичного образа и литературной репутации. Это было достигнуто за счет включения поэта в бытовую, литературный, политический контексты того времени. В результате работа эта важна не только как исследование жизни и творчества Крылова, но и как попытка выработки новой методологии изучения литературы. Авторы работают как социологи и близки методологии движения, представленного

в отечественной науке о литературе такими исследователями, как А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, М.С. Макеев, А.С. Бодрова, С.Н. Гуськов и ряд других ученых. В частности, их «контекстуальный» подход во многом близок подходу М.Б. Велижева в монографии «Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России» (2022). Член редакции журнала «Новое литературное обозрение» А.И. Рейтблат побеседовал с авторами книги о ее задачах и основных выводах.

А. Рейтблат (далее — **А.Р.**): Что подвигло вас на писание объемистой книги? Ведь Крылов не относится к числу авторов, о которых спорят критики, литературоведы и простые читатели. Характерно, что он при любой власти был в чести.

Н. Самовер (далее — **Н.С.**): Мы заинтересовались Крыловым давно, примерно двадцать лет назад. Наткнулись на него случайно — он оказался одним из участников костюмированного бала 6 января 1830 года, о котором мы тогда писали статью. Кроме него, героями этого исследования были Жуковский и Пушкин, и мы были поражены тем, как трудно оказалось интерпретировать Крылова на том же уровне, в той же системе координат и с той же глубиной, что и этих двоих. Крайне смущала нас та самая бесспорность и «вроде-бы-изученность», которыми Крылов был окружен, потому что при ближайшем рассмотрении все оказалось, наоборот, совершенно темным и непонятным. Дежурные примитивные объяснения нас не удовлетворяли, они явно не работали, и пришлось буквально ощупью начать самостоятельное движение куда-то в неизвестность. Потом мы еще несколько раз обращались к Крылову, напечатали несколько статей, и в конце концов почувствовали, что отдельные, с таким трудом нащупанные элементы мозаики начинают

складываться в более масштабную картину. Это позволяло подняться на следующий уровень сложности — уловить и сформулировать некоторые системные принципы, организующие весь этот эмпирический материал. И тогда мы начали работать над книгой. Надо было, в сущности, обновить едва ли не весь методологический инструментарий крылововедения, который оказался страшно архаичским, и соответственно пересмотреть научные взгляды на все традиционные представления о Крылове, а для этого требовалось привлечь много нового материала. Объем книги мы, конечно, заранее не планировали; просто писали столько, сколько было нужно для того, чтобы изложить и обосновать свои наблюдения и выводы, которые касаются не только самого Крылова, но и многих важных аспектов становления и развития публичной сферы в России первой половины XIX века.

А.Р.: Какой смысл вы вкладывали в название своей книги? Это аллюзия на знаменитую рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда»?

Н.С.: И это тоже, но в первую очередь мы отталкивались от прозвища «дедушка Крылов», которое фактически заменило нашему герою имя. С ним связаны все самые банальные представления о Крылове. Поэтому первая аллюзия — ироническая — отсылает к известному анекдоту: «Дедушка стар, дедушка очень стар... Дедушка суперстар!!!» Это касается маски, которая Крылову была в значительной степени навязана, и ее невиданной успешности. А вторая аллюзия, о которой вы говорите, — на рок-культуру — подсвечивает реальную глубину, которая, как в доме папы Карло, скрыта за размалеванным холстом. Вообще-то Иван Крылов, жесткий, дерзкий, умный и необыкновенно артистичный индивидуалист — типичная рок-звезда, и наблюдение за тем, как такого человека превосходящие силы идеологии и культуры обращают в плюшевого «дедушку», предьявляемого читающей и просто публике, придает книге, как нам кажется, некоторый драматизм.

А.Р.: Чем ваша книга отличается от предшествующих работ о Крылове?

Е. Лямина (далее — **Е.Л.**): На наш взгляд, это первая интеллектуальная биография Крылова, то есть исследование, в котором биографические и другие факты не только проверяются и уточняются, прежде чем быть связанными в повествование, но также интерпретируются в контексте идеологии, истории идей, истории публичной сферы и, конечно, истории литературы как социального института, книгоиздания, книжного рынка, причем не только в России, но и в Европе. Поэтому значимое место рядом с Крыловым у нас занимают другие фигуры «поля литературы» (по Пьеру Бурдье) 1800–1840-х годов — императоры Александр I и Николай I, министр народного просвещения С.С. Уваров, директор Публичной библиотеки А.Н. Оленин, глава III отделения А.Х. Бенкендорф, цензоры, журналисты, писатели. Причем они интересуют нас именно как движущиеся и конфликтующие игроки этого поля, в указанный период тоже постепенно менявшегося. Поэтому же мы постоянное внимание уделяем материальным аспектам: стоимости выпуска тех или иных изданий, ценам на книги и на многое другое, пенсиям, награждениям, гонорарам, жертвованиям (на Крыловскую стипендию — при его жизни и на памятник Крылову — после его смерти), государственными ассигнованиями и т. д., патрон-клиентскими отношениями, а также массе бытовых реалий. Все это, на наш взгляд, не «презренная проза», а аспекты функционирования «символического капитала», указания на паттерны социального поведения, карьеры (в том числе на поприще литературы), на возможности, статус, репутацию. Смело можно сказать, что таким панорамным и в то же время подробным образом Крылов и его

путь — жизненный и литературный — еще не рассматривались. Это не значит, конечно же, что хороших и очень хороших работ о Крылове не было — они есть, и их не так мало; мы постоянно ссылаемся на найденное и сделанное нашими предшественниками. Но все-таки, как правило, исследователи, умеющие четко ставить задачу и работать с разным материалом, сосредотачивались на конкретных эпизодах или сторонах крыловского творчества или его биографии. Мы же смотрим и на жизнь Крылова, и на его смерть и похороны, и на то, что происходило с его публичным обликом, с восприятием современниками его самого и его текстов после того, как он умер, то есть пытаемся схватить целое. Поэтому мы и дали книге подзаголовок «Феномен русского баснописца».

А.Р.: На мой взгляд, большое влияние на вас оказали работы Ричарда Уортмана и Юрия Лотмана. Так ли это? Ведь основное внимание вы уделяете семантике поведения Крылова и отношения власти к нему.

Е.Л.: Разумеется. И работы Лотмана в области семиотики бытового поведения и исследования литературных стратегий, и «Сценарии власти» Уортмана — это уже такая классика, которая превратилась в воздух науки, которым все дышат, сами того не замечая. Но применительно к Крылову нельзя не сказать, что первыми его поведение как семиотическую систему предложили рассматривать братья Михаил Аркадьевич и Яков Аркадьевич Гордины и их отец Аркадий Моисеевич. Это произошло в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Благодаря тому, что они подобрали к Крылову ключ как к своего рода шифру, появилась возможность интерпретировать как осмысленное и системное все то, что до них считалось разрозненным, случайным и причудливо-произвольным. Однако Крылов оказался еще и узловой, фокусной фигурой для неожиданно большого количества явлений и процессов в разных сферах — не только литературных, но и общественных, идеологических, художественных. Соответственно, мы не смогли бы продвинуться дальше, если бы не опирались на целый куст исследований романтического национализма и разных аспектов интеллектуальной истории и художественной культуры России первой половины XIX века, а также на работы по функционированию русской литературы как социального института, которые вышли за последние тридцать лет. С большинством их авторов мы имели честь общаться, обсуждать разные исследовательские и эвристические проблемы, поэтому вводная часть нашей книги завершается длинным списком благодарностей.

А.Р.: Когда вы описываете фарсы Крылова, какой смысл вы вкладываете в слово «фарс»?

Е.Л.: Мы обозначаем этим словом отдельный эпизод какого-либо демонстративного поведения — театрализованного, рассчитанного на то, чтобы произвести определенное впечатление на публику. В том числе при помощи фарсов Крылов лепил свой публичный образ, дополняющий и подкрепляющий его литературную репутацию. Дело в том, что баснописец — это не просто поэт, предпочитающий работать в жанре басни. С древнейших времен принято считать, что это особый тип личности, недаром Эзопа причисляют к числу великих греческих мудрецов. Для того, чтобы в 1810–1820-е годы все признали в Иване Крылове современного русского баснописца, он должен был не только сочинять оригинальные басни, но и воспроизводить на русском материале те поведенческие паттерны, которые заставляют признавать баснописцев в греке Эзопе и французе Лафонтене. Для этого Крылов при его огромной актерской и режиссерской одаренности выработал специальное

фарсовое поведение, включающее элементы разных театральных и цирковых жанров. Даже его костюм и прическа были частью сценического образа, в котором он показывался на людях. Вообще-то, в этом не было ничего необычного. Эпоха конца XVIII — начала XIX века знала многих людей, которые подчеркнуто ассоциировали себя с античными героями, но их стихией была трагедия, а особенность дарования Крылова состояла в том, что он тяготел к комическому. Любимой его краской был гротеск, и он охотно пользовался приемами площадного театра. Отсюда и термин «фарсы». Кроме того, к реальным фарсам примыкают его фарсовые рассказы, то есть вымышленные элементы фарсового поведения. А все целиком оно отразилось в крыловиане — разветвленном анекдотическом эпосе, который в глазах современников и потомков успешно заместил реальную биографию Ивана Андреевича Крылова.

А.Р.: Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, когда пишете о «фронтальной контекстуализации» биографии Крылова?

Е.Л.: Контекстуализация, как мы все знаем, это выявление релевантных для того или иного явления (фигуры, события и т. д.) контекстов, их описание, сопоставление и анализ. На наш взгляд, в научной традиции, сложившейся вокруг Крылова, ощущался дефицит именно этой операции, примененной последовательно и на большом материале. Крылов нередко понимался как абсолютный уникал, из ряда вон выходящее явление, искать аналоги разным граням которого нет особого смысла. Мы же стремились едва ли не любой факт, известный нам о Крылове, рассматривать в контексте, и желательно не в одном. А кроме того, раз уж мы заговорили о методологии и эвристике, — ничего не брать на веру и перепроверять любое утверждение по возможно большему количеству независимых источников, то есть придерживаться критического отношения к предмету и объекту исследования, чем, как ни странно, наука о Крылове тоже не избалована. Поясню на одном примере. Хорошо известно, что выражение «дедушка Крылов» вошло в обиход из имевшего большой успех приветственного стихотворения П.А. Вяземского, положенного на музыку и неоднократно пропетого на крыловском юбилее — праздновании 50-летия его литературной деятельности 2 февраля 1838 года. Этот набор сведений вкупе с красочными описаниями праздника кочует из одной работы в другую. Между тем, наше понимание происшедшего существенно изменится, если поискать дополнительные источники и через них более цельным образом увидеть существовавшие контексты: какие еще юбилеи в России праздновались до крыловского? А после? Как и кем они устраивались? Исполнялись ли на них подобные песнопения, на какую музыку и кем? Какие качества юбиляра в них превозносились? Есть ли в предшествующей литературной традиции аналоги сочетанию «дедушка Крылов»? Какими смыслами оперировал Вяземский и на какие уже сформировавшиеся аспекты публичного облика Крылова наложилось это его *mot*, удачное и само по себе, и особенно — на пересечении упомянутых контекстов? Ответы на все эти и многие другие вопросы содержатся во второй главе нашей книги, как раз посвященной празднику 2 февраля, но характерно, что большая часть вопросов описанным — фронтальным — образом никогда прежде не ставилась. Соответственно, не было и ответов на них, связанных вот этой контекстуальной логикой. То же касается многого другого — как крупных событий жизни Крылова, так и фоновых, от создания и публикации им текстов, сделки с книгоиздателем Смирдиным (40 тысяч рублей за право издать в течение десяти лет «Басни в восьми книгах» общим тиражом 40 тысяч экземпляров), полученных им чинов и наград до найма прилуги, покупки одежды, экипажа и дома, а также его шуток, литературных отно-

шений, конфликтов. Как нам кажется, примененный метод позволил с достаточной ясностью показать дистанцию между реальной жизнью Крылова и творимой (им, другими) легендой.

А.Р.: И еще один терминологический вопрос. Что вы понимаете под «стратегиями Крылова»?

Н.С.: Как любой человек, Крылов ставил перед собой прагматические цели — приобретение материального благополучия, личной независимости, признания со стороны собратьев-литераторов и т. п. Определенный способ действия, направленный на достижение цели, которого он со свойственным ему исключительным упорством и последовательностью придерживался иногда на протяжении очень длительного времени, — это и есть стратегия. Она могла быть избрана рационально или нащупана интуитивно, но в любом случае осознание исследователями стратегий поведения Крылова позволяет увязывать в цепочки, объединенные общей логикой, те его поступки и высказывания, которые в противном случае рассыпаются в бессмысленный хаос. Скажем, анализ поведенческих стратегий позволяет структурировать уже упомянутое фарсовое поведение.

А.Р.: Сквозным мотивом вашей книги является идея «апроприации государством» творчества и литературной репутации Крылова. Но литературная репутация зависит прежде всего как от произведений и поведения писателя, так и от отношения к нему читателей и критики. Мы прекрасно знаем, что произошло с репутациями Кочетова, Софронова и других подобных авторов после падения советской власти. И про Крылова вы пишете, что, когда жанр басни вышел из моды, он рассматривался как детский писатель. В то же время, как вы хорошо показываете, отношение власти к Крылову способствовало укреплению престижа литературы и писателей в русском обществе, что вряд ли входило в намерения власти. Не вернее ли говорить о попытках «апроприировать» Крылова, которые не очень удались, а фигурой, которая действительно была успешно апроприирована властью, стал Пушкин?

Н.С.: Это, безусловно, очень важный разговор и перспективное направление для будущих исследований. Если в школьную оппозицию «поэт и власть» ввести еще один элемент — общество, получается, что Пушкин спустя некоторое время после смерти был апроприирован сначала либеральными и революционно-демократическими идейными кругами, превратившими его в эстетический символ русской свободы, противостоящий русской несвободе, то есть самодержавию, а затем его образ, соответственно препарированный и отформатированный, был подхвачен и поднят на щит уже новым, советским государством, которое приспособило его для своих идеологических целей. При этом с каждой следующей итерацией образ Пушкина подвергался все большей политизации и примитивизации. Что касается Крылова, то его апроприация государством произошла еще при жизни, когда литературное сообщество только начинало складываться в самостоятельную общественную силу. В тот момент в России была предпринята первая попытка сформировать государственную культурную политику. В ее основе лежала идеология официальной народности, а у руля стоял талантливый и энергичный Уваров. «Дедушка Крылов» как эмблематическая фигура русского консерватизма был вылеплен буквально в ручном режиме в уникальной ситуации равновесия, когда еще не произошел раскол между властным и оппозиционным дискурсами, которые уже скоро будут создавать себе собственные пантеоны. Важно, что государственные заслуги «знаменитого русского баснописца», как он практически официально име-

новался, уже в тот момент интерпретировались преимущественно в социально-дидактическом и педагогическом ключе. В результате, когда хрупкий консенсус общественных сил разрушился, «дедушка Крылов» в качестве детского писателя остался фигурой бесспорной, равно почитаемой в обоих лагерях. В сущности, его идеологизированный взлет оказался очень коротким, зато его сразу же подхватило педагогическое сообщество, которое именно в это время формировало школьный литературный канон. В отличие от Кочетова и Софронова Крылов успел надежно закрепиться в хрестоматии для начальной школы раньше, чем на общественное поле вышли люди, которые могли бы предъявить ему какие-то политические претензии. В результате уваровский конструкт, продукт романтического национализма, без особенных проблем пережил все идеологические пертурбации и совершенно естественно вписался в новый советский канон, куда допускались только «проверенные товарищи». В системе, где Пушкину была отведена роль героя и мученика, Крылов преспокойно продолжал занимать нишу всеобщего дедушки, созданную специально под него еще в 1830-х годах. Да, в тотально идеологизированной советской картине мира это выглядит немного странно, но так было. Можно сказать, что Крылова покрыла консервативная тень советского революционного проекта.